

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1611

Е. В. Недосека, Е. Н. Шарова

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ АРКТИКИ

Правильная ссылка на статью:

Недосека Е. В., Шарова Е. Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 355—375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>.

For citation:

Nedoseka E. V., Sharova E. N. (2020) Features of Youth's Life Strategies in the Arctic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 355—375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ АРКТИКИ

НЕДОСЕКА Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Социологический институт Российской академии наук — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: nedelena-24@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>

ШАРОВА Екатерина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социальных наук и права социального обеспечения, Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия

E-MAIL: kateshar1@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9042-3570>

Аннотация. Цель работы — представить региональный контекст социализации молодых людей, проживающих в особых условиях, детерминированных рядом объективных обстоятельств, а также субъективными факторами. В качестве теоретико-методологической рамки работы выступил рискологический подход Ю. А. Зубок, на основе которого сделан акцент на социальной обусловленности жизненных стратегий молодежи Арктической зоны РФ. Последние рассматриваются через средовые факторы риска макро- и мезоуровня в условиях Арктики, а также через деятельностные факторы риска, реализующиеся на микроуровне через планы, установки, ориентиры, выборы и другие элементы жизненных стратегий. Представлен обобщающий анализ статистических данных и материалов социологических исследований

FEATURES OF YOUTH'S LIFE STRATEGIES IN THE ARCTIC

*Elena V. NEDOSEKA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor, Senior Research Fellow

E-MAIL: nedelena-24@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>

*Ekaterina N. SHAROVA*² — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor at the Department of Philosophy, Social Sciences and Social Security Law

E-MAIL: kateshar1@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9042-3570>

¹ Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

² Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Abstract. The aim of this paper is to present the regional socialization context of the youth living in a geographical zone with special conditions determined by many objective and subjective factors. The theoretical and methodological framework of the study is based on the risk-based approach proposed by Yu. A. Zubok. The approach emphasizes social factors of the youth life strategies in the Arctic. The strategies are examined through environmental risk factors at macro and meso levels in the Arctic conditions as well as through the activity-related risk factors at the micro level (plans, aims, choices and other elements of life strategies). The authors present a generalized analysis of statistical and sociological data concerning the life strategies in all the regions of the Russian Arctic Zone. The empirical basis is the results of sociological surveys conducted by

по теме жизненных стратегий, проводимых во всех регионах, входящих в Арктическую зону РФ. Эмпирическую базу статьи составили результаты социологических исследований, проведенных методом анкетного опроса среди различных групп населения, в том числе и молодежи, в Мурманской области в период с 2014 по 2018 гг. под руководством авторов статьи.

В результате исследований получены систематизированные данные об отношении молодежи к проживанию в регионе, миграционных установках и наличии миграционного опыта, ожиданиях и притязаниях молодежи в различных сферах, социально-групповых и статусных характеристиках молодых северян. Выявлены основные противоречия между управленческими решениями органов власти федерального и регионального уровней, отраженными в основных документах, и фактическим положением дел, представленным статистическими показателями и результатами социологических исследований. С одной стороны, в стратегических документах декларируется отказ от вахтовой модели освоения Севера в пользу комплексного социально-экономического развития, в том числе направленного на удержание и привлечение человеческих ресурсов, на повышение качества и уровня жизни населения. С другой стороны, отмечается неуклонное снижение численности населения, преимущественно за счет миграционного оттока молодежи, что демонстрирует низкую удовлетворенность условиями жизни в регионе, возможностями самореализации в различных сферах.

Ключевые слова: молодежь, жизненные стратегии, Арктика, регион, риск

the authors in the Murmansk oblast from 2014 through 2018; questionnaire tool was used to survey different populations including youth.

As a result, the authors obtained systematized data on the youth attitudes towards living in the region, their migration settings and migration experiences, expectations and ambitions in different spheres, social characteristics and status markers. The study identifies major inconsistencies between managerial decisions of the federal and regional bodies declared in the main documents and the actual situation pointed by statistical and sociological research data. On the one hand, strategic documents show refusal from the rotation-based model of the Arctic exploration in favor of the complex social and economic development, including activities aiming at retaining and attracting human resources, increasing the living standards and quality of life. On the other hand, there is a steady decline in the population size primarily at the expense of the youth outflow pointing to low satisfaction with the living conditions in the region and opportunities of self-actualization in different spheres.

Keywords: youth, life strategies, Arctic, region, risk

Проблемное поле исследования

Арктическая зона Российской Федерации представляет собой одно из приоритетных направлений внутренней и внешней политики РФ. Последнее отражено в таких нормативных документах, как «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» и «Постановление Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 366 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»». В Арктическую зону Российской Федерации (АЗРФ) сегодня входят все муниципалитеты Мурманской области, Ненецкого, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономных округов, а также некоторые муниципальные образования Архангельской области, Республик Коми, Карелии, Саха (Якутия) и Красноярского края.

Превалирующим фактором в управленческих решениях остается экономическая привлекательность (прежде всего за счет Северного морского пути и СПГ-проектов¹), а также геополитическая значимость АЗРФ. Ведутся активные обсуждения возможной увязки инструментов местного территориального развития и механизмов поддержки масштабных инвестиционных проектов, реализация которых планируется в АЗРФ [Арктика: стратегия развития, 2019].

На развитие обсуждаемых территорий оказывают влияние следующие общепризнанные макрофакторы: (а) экстремальные природно-климатические условия, включая низкие температуры воздуха, сильные ветры и ледяной покров на акватории арктических морей; (б) очаговый характер промышленно-хозяйственного освоения территорий и низкая плотность населения; (в) удаленность от основных промышленных центров, высокая ресурсоемкость и зависимость хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения от поставок из других регионов России топлива, продовольствия и товаров первой необходимости; (г) низкая устойчивость экологических систем, определяющих биологическое равновесие и климат Земли, а также их зависимость даже от незначительных антропогенных воздействий².

Однако помимо перечисленных макрофакторов необходимо определить факторы мезоуровня, позволяющие говорить о региональной специфике изучаемых территорий. Например, социально-экономические факторы тесно связаны с особенностями промышленного освоения Арктики. Как отмечают в ряде своих работ Владимир Лексин и Борис Порфирьев, АЗРФ в наибольшей степени вобрала в себя результаты политики социалистического размещения и развития производительных сил. В связи с этим структурные изменения конца 1990-х годов, сопряженные с переходом к рыночной экономике и приватизацией государственной собственности, оказали значительное влияние на территории российской Арктики [Лексин, Порфирьев, 2017, 2018]. В частности, серьезной проблемой остается производственная привязка Арктических регионов к ограниченному числу про-

¹ СПГ — сжиженный природный газ.

² О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года // Правительство России. 2013. 20 февраля. URL: <http://government.ru/info/18360/> (дата обращения: 14.06.2020).

мышленных предприятий, вследствие чего наблюдается низкая диверсификация сфер занятости. Некогда привлекательная черта в виде финансовых преимуществ в оплате труда жителей Крайнего Севера все больше утрачивает значение за счет незначительного или фактически уравнительного соотношения (в зависимости от сфер занятости) с другими регионами России [Волгин, Широкова, Мосина, 2018].

К социально-структурным факторам можно отнести сложившуюся межрегиональную дифференциацию в социально-экономическом развитии территорий России, где системные сдвиги породили взаимоотношения между центром и регионами по принципу «центр — периферия». В этом смысле удаленность Арктических регионов сопряжена с основными характеристиками периферии, такими как отсталость и стагнация, что изначально задает направление в жизненном планировании для поиска лучшего места самореализации [Недосека, Ануфриева, 2015; Шарова, 2016; Галимуллин, 2019].

Определяя влияние социокультурных факторов, необходимо вернуться к историческим особенностям освоения территорий Арктической зоны. С приходом советской власти в начале XX века обсуждаемые территории осваивались преимущественно посредством принудительной миграции. Позднее, начиная со второй половины XX века, привлекательность Севера была сопряжена с материальным достатком за счет различного рода финансового стимулирования за труд в тяжелых климатических условиях. Низкая укорененность и слабая региональная идентичность были и остаются отличительными особенностями большинства населения Арктических регионов (безусловно, исключая этническое меньшинство коренных народов Севера) [Недосека, Ануфриева, 2015; Галимуллин, 2019].

Обозначенные группы факторов значительно влияют на процесс построения жизненных стратегий, что особенно характерно для молодежи, рассматриваемой в качестве главного ресурса для масштабных преобразований в Арктическом регионе. Специфика различных молодежных групп детерминирована конкретными условиями социализации и возможностями самореализации в определенном локальном сообществе (стране, регионе, населенном пункте). Иначе говоря, место проживания молодежи является важным дифференцирующим и стратифицирующим фактором, создающим внешние (объективные) рамки жизненных планов.

В настоящее время в целях создания образа Севера как привлекательной территории для жизни и самореализации формируется особый — арктический — дискурс, проявляющийся прежде всего на официальном уровне (например, стратегический план Правительства Мурманской области до 2030 г. «На Севере — жить»)³. При этом наблюдается неопределенность в том, насколько данный дискурс коррелирует с фактическими установками и жизненными стратегиями различных социальных групп населения региона, в том числе и молодежи.

Исследовательский фрейм

Вопросы жизненных стратегий молодежи достаточно давно находятся в исследовательском фокусе социологов и остаются актуальными в условиях стремитель-

³ СМ.: «На Севере — жить!»: правительство Мурманской области приняло стратегический план развития региона на ближайшие 10 лет // Правительство Мурманской области. 2019. 27 декабря. URL: <https://gov-murman.ru/info/news/344943/> (дата обращения: 14.06.2020).

ных социально-экономических изменений, происходящих в российских регионах. Данная проблематика требует постоянного мониторинга и фиксации тенденций, происходящих в молодежной среде. Изучение стратегий молодежи АЗРФ представляется злободневным в связи с тем, что данный макрорегион переживает значительную миграционную убыль населения, особенно трудоспособного возраста. Представление о желательных направлениях самореализации, об особенностях региональной идентичности, а также определение уровня притязаний данной социально-демографической группы позволят эффективнее выстроить молодежную политику в регионе, продумать факторы не только «удержания» молодежи, но и ее привлечения в регионы АЗРФ.

Среди первых серьезных разработок в этой области можно отметить труды Владимира Лисовского [Лисовский, 1996] и Светланы Иконниковой [Иконникова, 1974], исследующих социальное самоопределение молодежи; работы Владимира Шубкина [Шубкин, 1984], акцентирующих внимание на социально-профессиональной мобильности молодых людей, а также Микка Титмы [Жизненный путь поколения..., 1985] и Михаила Руткевича [Руткевич, Рубина, 1988], рассматривающих понятие социальной мобильности в разных стартовых позициях. Нина Наумова [Наумова, 1988] и Ирина Шурыгина [Шурыгина, 1999] исследовали проблемы построения жизненных стратегий, притязаний молодежи, способности к социальной адаптации, жизненные планы, жизненные шансы и ресурсы и др.

Начиная с 2000-х годов и до настоящего времени проблема жизненных стратегий молодежи находится в центре исследовательского внимания социологов: Галины Чередниченко [Чередниченко, 2009; Cherednichenko, 2019], Елены Вознесенской [Вознесенская, 2015], Давида Константиновского [Константиновский, 2016], которые более 20 лет изучают жизненные траектории российской молодежи в образовательной и профессиональной сферах. Помимо личного исследовательского вклада, у вышеперечисленных авторов имеются коллективные монографии, обобщающие накопленный опыт лонгитюдных исследований образовательных и профессиональных устремлений, установок, планов российской молодежи, а также факторов, влияющих на ее социальное самоопределение [Константиновский и др., 2011; Константиновский, Вознесенская, Чередниченко, 2014]. Также необходимо отметить особый вклад Юлии Зубок и Владимира Чупрова [Зубок, Чупров, 2008 а, б], которые подробно анализируют специальные социологические теории, увязывающие жизненные планы и ориентации молодежи во взаимосвязи с ее поведением.

Особого внимания заслуживают работы исследователей, изучающих жизненные стратегии молодежи Арктической зоны и отдельных территорий, входящих в состав АЗРФ. Так, Александр Дрегалло и Виктор Ульяновский [Дрегалло, Ульяновский, 2006] анализируют региональные аспекты социализации молодежи, а именно образовательные, культурные, политические и профессиональные установки; Александр Константинов [Константинов, 2016], Эдуард Галимуллин [Галимуллин, 2019] рассматривают миграционные тенденции молодежи Арктики. Ольга Осипова (Васильева) и Елена Маклашова исследуют ценности и различные аспекты жизненных стратегий молодых северян [Осипова, Маклашова, 2016; Васильева, 2018; Васильева, Маклашова, 2018].

Несмотря на солидный теоретический и эмпирический багаж данной области исследования, необходимо отметить существующую терминологическую путаницу в употреблении понятий, схожих с «жизненной стратегией». Среди таких терминов можно встретить следующие: «жизненная траектория» [Чередниченко, 2004], «жизненная карьера», «жизненные ориентации (установки)», «жизненный путь», «жизненные планы», «жизненное самоопределение», «жизненные притязания» [Шурыгина, 1999] и т. д. В исследовательской практике задача их разграничения часто не ставится, и многие из них обычно используются как синонимы.

На наш взгляд, концептуализация используемого нами понятия «жизненная стратегия» осуществляется через призму следующих терминов: сознание и поведение, выбор, цели и средства, ценности и ориентации, образ будущего (см. рис. 1).

Рис. 1. Концептуальная схема понятия «жизненная стратегия»

Воспользуемся ранее сформулированным авторским определением жизненной стратегии как «направленной в будущее характеристики сознания и поведения личности, выполняющей ценностно-ориентационную функцию и проявляющуюся в конкретных жизненных ситуациях, связанных с выбором целей и средств их достижения» [Шарова, Недосека, 2014].

Как отмечалось выше, факторами, влияющими на формирование жизненных стратегий, выступают пространство жизнедеятельности молодого человека и риски, связанные с данным пространством. Здесь особое значение приобретает система эмпирических показателей, которая позволяет измерить субъективное отношение к месту проживания.

Особую методологическую роль в осмыслении сущности жизненных стратегий через призму проблемы выбора и контекста, условий, в которых этот выбор осуществляется, играет рискологический подход Юлии Зубок [Зубок, 2003, 2007]. В основе данного подхода лежит представление о том, что риск является сущностным свойством молодежи как социально-демографической группы и значимым фактором ее социального развития. Риск возникает в связи с переходным состоянием молодости как этапа жизненного пути и реализуется в процессе инновационной деятельности молодежи.

Ю. Зубок выделяет два типа рисков: объективный риск, исходящий от среды жизнедеятельности индивида, и субъективный (деятельностный) риск, понимае-

мый как способ жизнедеятельности индивида. Категория риска получает двойное методологическое значение для осмысления проблематики жизненных стратегий молодежи. С одной стороны, это атрибут группы, отражающий специфику ее поведения вследствие особого этапа социализации, связанного с переходностью социального статуса. С другой стороны, это среда, понимаемая как совокупность объективных условий, в которых это поведение осуществляется. Причем именно средовым рискам отводится роль своеобразных катализаторов, запускающих определенный механизм социального действия, связанный с индивидуальными выборами из множества альтернатив (иными словами, деятельностные риски). Последние, в свою очередь, обуславливают новый виток средовых рисков, тем самым превращая риск в системную характеристику общества («общество риска») [Бек, 2000].

Методология и методика исследования

С опорой на рискологический подход в рамках настоящего исследования жизненных стратегий молодежи Арктики учитываются оба аспекта риска: деятельностный, реализующийся в акте индивидуального выбора, и средовой — как атрибут объективных условий жизни, проявляющихся в состоянии неопределенности, внешних опасностях и угрозах. С нашей точки зрения, риск есть одновременно и атрибут, и среда жизненных стратегий молодежи, которые могут быть осмыслены через связанную с риском и происходящую в его условиях деятельность.

Эмпирическую базу данной работы составили результаты социологических исследований, проведенных методом анкетного опроса среди различных групп населения, в том числе молодежи, в Мурманской области в период с 2014 по 2018 гг. под руководством авторов статьи:

- а) в 2014 г. — исследование жизненных стратегий и инновационного потенциала молодежи Мурманской области (объем выборки — 955 чел. в возрасте 14—30 лет);
- б) в 2016 г. — исследование региональной идентичности жителей Кольского Севера (объем выборки — 834 чел., в возрасте 14—34 лет — 398 чел.);
- в) в 2018 г. — исследование трудовой миграции в Мурманской области (объем выборки — 444 чел., в возрасте 15—34 лет — 143 чел.).

Данные исследования реализовывались автономно друг от друга применительно к объектам, имеющим единые территориальные границы (Мурманская область) и включающим в себя группу молодежи. Объем выборки определялся для каждого исследования отдельно, при этом во всех трех случаях использовалась квотная выборка, репрезентирующая генеральную совокупность по территориальному (региональный центр, муниципальные образования области) и половозрастному признакам. Если использовать методы оценки репрезентативности для случайного отбора при доверительной вероятности, равной 95%, то ошибка выборки не превышает в первом исследовании 3,5%, во втором — 5%, в третьем — 8%. Наличие идентичных вопросов во всех трех исследованиях позволило провести сравнительный анализ данных и описать ситуацию в динамике.

Кроме того, эмпирические показатели подкреплялись данными государственной статистики базы ЕМИСС по Арктическому региону.

Основные результаты

Численность постоянного населения сухопутных территорий АЗРФ на 1 января 2018 г.⁴ составила 2 406 420 человек, или 2 363 621 человек без учета населения Республики Карелия (для релевантной оценки динамики в сравнении с предыдущими периодами⁵). В целом отмечается снижение численности населения АЗРФ: на 1 января 2014 г. — 2 400 580 человек, тогда как на 1 января 2010 г. — 2 480 599 человек [Галимуллин, 2019] (свыше 50 % от численности населения Арктики в глобальном измерении [Лукин, 2013]).

С точки зрения естественного движения населения на тысячу человек наиболее благополучными регионами выступают ЯНАО (+8,7), Красноярский край (+6,3) и Ненецкий автономный округ (+5,1). В наиболее сложном положении находятся Республика Карелия (–13), Архангельская область (–2,3) и Мурманская область (–1,5)⁶.

Существенное влияние на демографическую ситуацию в макрорегионе оказывают миграционные процессы. На протяжении практически двух десятилетий отмечается отрицательное миграционное сальдо.

В разрезе возрастных групп наибольшие потери по-прежнему испытывает категория тех, кто находится в трудоспособном возрасте (–14,9 тыс. человек, 2018 г.), но это почти вдвое ниже, чем в предыдущем периоде (–25,3 тыс. человек, 2015 г.) (см. рис. 2). Практически треть миграционного оттока приходится на старшую возрастную группу (–9,6 тыс. человек), эмиграция которой увеличивается с 2005 г. Лица моложе трудоспособного возраста вносят наименьший вклад в общую миграционную убыль населения АЗРФ.

По субъектам АЗРФ также можно отметить некоторые особенности динамики миграционного сальдо с 2000 по 2018 гг.: стойкая прогрессирующая убыль характерна для Республики Коми (от –6,7 тыс. до –9,2 тыс.), Архангельской области (–6,1 тыс. до –7,0 тыс.), а также Республики Карелия (от 1,2 тыс. до –1,3 тыс.). Снижение убыли и в целом положительная динамика характерны для Мурманской области (от –9,9 тыс. до –4,4 тыс.), Республики Саха (Якутия) (от –6,3 тыс. до –2,9 тыс.), Чукотского автономного округа (от –3,3 тыс. до 237).

Ямало-Ненецкий автономный округ и Красноярский край характеризуются неравномерностью динамики в 2010 и 2015 гг. Если в ЯНАО в этот период отмечалась резкая отрицательная динамика (–4,9 тыс. и –11,9 тыс. соответственно) с последующим улучшением ситуации в 2018 г. (–1,7 тыс.), то в Красноярском крае, наоборот, значительный прирост в 2010—2015 гг. (+2,2 тыс. и +2,7 тыс. соответственно) сменился убылью в 2018 г. (–278).

Отметим, что Чукотский автономный округ является единственным субъектом АЗРФ, который на 2018 год имел положительное значение миграционного сальдо.

⁴ Оценка численности постоянного населения сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2018. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/arc_zona/2018_1/pok_84.xls (дата обращения: 14.06.2020).

⁵ Территории трех муниципальных образований Республики Карелия включены в Перечень сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации Указом Президента Российской Федерации № 287 от 27.06.2017.

⁶ Коэффициент естественного прироста населения Арктической зоны Российской Федерации (на 1000 человек населения) // ЕМИСС: Государственная статистика. 2018. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/51648> (дата обращения: 15.06.2020).

Наибольшие потери трудоспособного населения в 2018 году зафиксированы в Республике Коми (–6,1 тыс.), Архангельской (–4,6 тыс.) и Мурманской области (–2,3 тыс.). Республики Саха (Якутия) и Карелия потеряли –1,2 тыс. и –973 трудоспособного населения соответственно. Красноярский край, а также Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа характеризуются положительным сальдо миграции в данной возрастной группе.

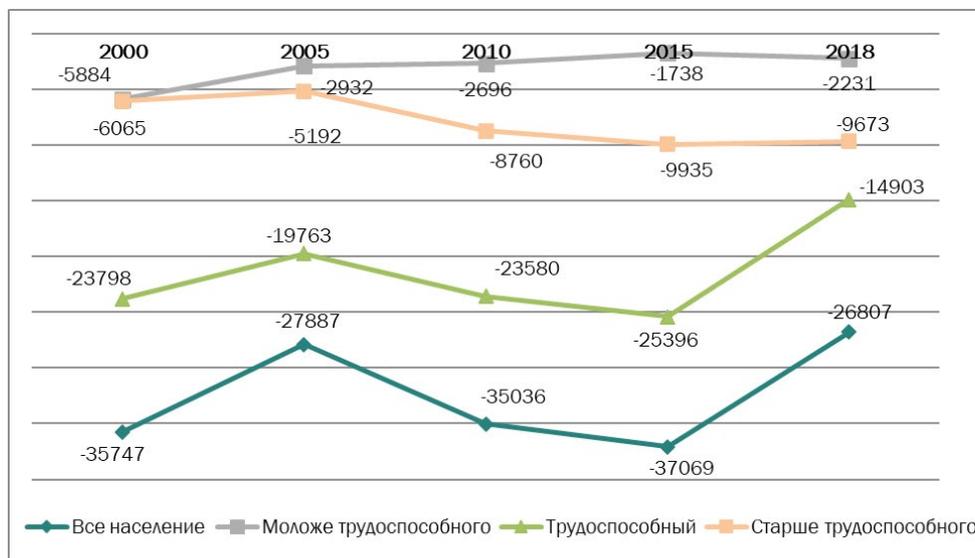

Рис. 2. Распределение миграционного прироста по субъектам АЗРФ по возрастным группам мигрантов в динамике с 2000 по 2018 гг. (человек, значение показателя за год)⁷

Проблема миграционного оттока из АЗРФ осмысливается на самом высоком уровне. В ежегодном докладе Совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации ФС РФ за 2018 г. отмечено, что в ближайшие годы арктические территории России будут испытывать острый дефицит трудовых ресурсов и не смогут обеспечить себя рабочей силой, необходимой для реализации проектов [О состоянии и проблемах..., 2019].

Выявление причин миграции позволяет более рельефно интерпретировать как внутрирегиональные процессы, так и общие для многих северных территорий тенденции. В частности, миграционные установки молодежи арктических регионов России являются предметом ряда социологических исследований (см, например: [Кондратович, 2016; Осипова, Маклашова, 2016; Маркин, Силин, 2017; Зайков, Каторин, Тамицкий, 2018; Шеломенцев и др., 2018; Галимуллин, 2019]). Обобщив накопленный исследовательский опыт, можно констатировать, что основными причинами оттока молодежи из АЗРФ являются социально-экономические усло-

⁷ Рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС. См.: Распределение миграционного прироста по возрастным группам мигрантов (человек, значение показателя за год) // ЕМИСС: Государственная статистика. 2000—2018. URL: <https://fedstat.ru/indicator/37613> (дата обращения: 22.06.2020).

вия: неудовлетворенность заработной платой, невысокое качество образовательных, медицинских и досуговых услуг, дороговизна жизни на Севере.

С нашей точки зрения, значимым статистическим показателем является численность студентов вузов в регионах АЗРФ. Именно образовательные возможности территорий проживания и связанные с ними перспективы трудоустройства — приоритетные факторы в выстраивании жизненных стратегий. Численность студентов вузов по регионам АЗРФ (данные за 2005—2006 [Регионы России, 2007: 270—273; 282—283] и 2018—2019 гг. [Регионы России, 2019: 354—361]) представлена в таблице 1.

Таблица 1. Численность студентов вузов в структуре по регионам АЗРФ

Регион	2005 / 2006	2018 / 2019	2005 / 2006	2018 / 2019	2005 / 2006	2018 / 2019	2005 / 2006	2018 / 2019
	тыс. чел.		на 10 тыс. чел.		рейтинг РФ		рейтинг АЗРФ*	
Республика Карелия	24,1	11,5	346	187	61	62	6	4
Республика Коми	35,8	15,6	363	188	57	61	4—5	3
Архангельская область	47,7	18,6	369	169	52	67	4—5	5
Мурманская область	39,0	7,9	461	106	30	81	2	6
Ямало-Ненецкий автономный округ	14,7	0,8	277	14	73	84	7	8
Красноярский край	132,0	73,8	454	257	32	33	3	1
Республика Саха (Якутия)	46,8	24,3	492	251	21	36	1	2
Чукотский автономный округ	0	0,2	0	34	—	83	8	7
РФ	7064,6	4161,7	495	284				

* Рейтинг АЗРФ рассчитан авторами самостоятельно.

В целом данные по всем субъектам АЗРФ коррелируют с общероссийской тенденцией практически двукратного снижения численности студентов как в абсолютных значениях (всего в тыс. чел.), так и в соотношении с общей численностью населения (на 10 тыс. чел.). За период с 2005 по 2018 г. наибольшие относительные потери понесли ЯНАО (практически в 18 раз — с 14,7 до 0,8 тыс. чел.) и Мурманская область (практически в 5 раз — с 39,0 до 7,9 тыс. чел.). Безусловно, на данную динамику оказала влияние и общая демографическая ситуация, обусловленная спадом рождаемости в 1990-е годы. Мурманская область характеризуется наиболее ярко выраженной отрицательной динамикой по численности студентов. Регион утратил свои лидерские позиции не только в общероссийском рейтинге (с 30 на 81 место), но и в рейтинге субъектов АЗРФ (со второго на шестое место).

По России ниже позиция только в Ленинградской области (7,8 тыс. чел.; 42 чел. на 10 тыс. чел.) [Регионы России, 2019: 355], а из арктических регионов — в Чукотском автономном округе (0,2 тыс. чел.; 34 чел. на 10 тыс. чел.) и в ЯНАО (0,8 тыс. чел.; 14 чел. на 10 тыс. чел.). Все сказанное свидетельствует о том, что в Мурманской области «вымывается» интеллектуальный потенциал населения в результате мощного потока образовательной эмиграции.

Обратимся к данным трех эмпирических исследований, проведенных с 2014 по 2018 г. среди молодежи Мурманской области. Предлагается следующая модель анализа средовых и деятельностных рисков, задающих векторы жизненных стратегий молодых людей. Данная модель включает в себя такие показатели, как: степень привязанности к региону, субъективная оценка условий жизни, миграционные установки, желаемые направления самореализации и уровень притязаний. Ниже представлены основные выводы по указанной модели.

1. На протяжении исследования (в период 2014 по 2018 г.) региональной идентичности жителей Мурманской области регистрируются высокие оценки степени привязанности молодежи к своей «малой родине» (порядка 80% опрошенных).

2. Несмотря на высокую степень эмоциональной связи с регионом, молодые люди довольно низко оценивают качественные характеристики жизни в регионе. В частности, ниже среднего по 5-балльной шкале оцениваются такие возможности, как «найти работу и реализовать себя в выбранной профессии» (2,6 балла); «достигнуть желаемого уровня материального благополучия» и «создать и развить собственный бизнес» (по 2,7 балла); «сделать управленческую карьеру» (2,8 балла); «получить образование в соответствии со своими запросами» (2,9 балла). Относительно более высокие оценки получили такие возможности, как «встретить любимого человека и создать семью» (4,0 балла) и «выстроить систему отношений, связей (дружеских, деловых)» (3,8 балла). По всем возможностям самореализации в регионе относительно более низкие оценки в среднем имеет группа в возрасте 25—29 лет (2,9 балла), нежели другие возрастные группы (3,1—3,2 балла). Вероятно, этот возрастной период, сопряженный с окончанием профессионального обучения и первым серьезным опытом трудовой деятельности, наиболее сложный с точки зрения выработки жизненной стратегии и оценки имеющихся в регионе ресурсов для ее реализации.

3. Анализ оценок молодежи, которые касаются изменений жизни в регионе, позволяет констатировать, что со временем молодежь чаще демонстрирует рост пессимистических настроений: 37,2% указали на ухудшение условий и 25,7% — на улучшение. По сравнению с 2014 г., в 2016 г. отмечается изменение баланса положительных и отрицательных оценок жизни в регионе в пользу преобладания последних: в 2014 г. 29,8% положительных против 26,8% отрицательных, тогда как в 2016—25,7% против 29,4% соответственно. Данные 2018 г. об удовлетворенности жизнью в Мурманской области подтверждают незначительный перевес доли недовольных (28,9% против 27,0%). В структуре возрастных групп наиболее низкие значения удовлетворенности вновь дают лица от 25 до 29 лет (всего 8% скорее или полностью довольны проживанием в регионе). Среди представителей младшей возрастной группы (до 19 лет) практически каждый второй (46,5%) скорее или полностью недоволен условиями жизни в Мурманской области.

В связи с этим отношение молодежи к региону может быть осмыслено в контексте проблематики «центр — периферия», где Мурманской области отводится периферийный статус с весьма ограниченным потенциалом для самореализации. Причем сформированные за последние шесть лет арктическая повестка и соответствующий дискурс, призванные дать «вторую жизнь» северным территориям, мало повлияли на субъективные мнения и оценки молодых людей.

4. На протяжении исследовательского периода отмечается некоторое снижение доли молодых людей, планирующих переехать из Мурманской области: с 45,2% в 2014 г. до 35,7% в 2018 г. Почти на 5 п. п. увеличилась доля молодежи, связывающей свое будущее с регионом: с 32,8% в 2014 г. до 37,4% в 2018 г. При этом также возросло число «неопределившихся», заведомо представляющих собой группу «риска» с высоким потенциалом мобильности.

Планы уехать из области коррелируют с возрастной группой молодежи. Чем старше респонденты, тем больший процент из них хочет остаться в области. По данным за 2014 г. молодежь младшей возрастной группы (14—19 лет) определяет себя наиболее мобильной: из них более половины (51,3%) нацелены на эмиграцию и только 13,7% отметили, что не планируют уезжать из области (остальные затруднились ответить определенно). В группах старше 20 лет примерно вдвое больше молодежи с установкой на закрепление в регионе: 24,0% — в группе 20—24 лет и 24,7% — в группе 25—30 лет. В целом самую немобильную группу составляют молодые люди 20—24 лет (39,4% планируют покинуть регион против 45,9% в группе 25—30 лет и 51,3% в группе 14—19 лет). Вероятно, это связано с уже начавшейся профессиональной социализацией в регионе.

Основными причинами отъезда из региона для всех групп молодежи выступают социально-экономические факторы (43,8% в 2014 г., 83,0% — в 2018 г.). В качестве конкретных причин наши респонденты называли сложности в трудоустройстве и в построении карьеры, невысокие зарплаты, ограниченные образовательные возможности региона. Также молодежь определяла и общие для Мурманской области проблемы: отсутствие перспектив развития, нивелирование исторического и стратегического значения региона.

Вторую по популярности причину оттока молодежи составляют природные факторы, отмеченные более чем третью опрошенных (34,7% в 2014 г., 41,7% в 2018 г.). В данный блок объединены причины, связанные с природно-климатическими особенностями региона, экологической ситуацией и обусловленным ею состоянием здоровья, проблемы отдаленности региона, вызванные особым географическим положением, а также недостаток природных ресурсов.

В направлениях миграции доминирующие позиции занимают другие регионы РФ (порядка 45% по всем трем нашим исследованиям). Это без учета городов федерального значения — Санкт-Петербурга и Москвы, на которые приходится около 38,0% от числа всех опрошенных. Интересно снижение намерения уехать за пределы РФ: если в 2014 г. доля намеревающихся покинуть пределы РФ составляла 17,4%, то в 2018 г. — 9,3%. Направления эмиграции молодежи имеют статистические различия по возрасту: самые юные представители молодежи (14—19 лет) в значительно большей степени планируют эмигрировать в столичные города страны, а молодежь старше 20 лет — в другие населенные пункты России.

5. Особый интерес наших исследований составил вопрос о желаемых направлениях самореализации, помогающий глубже понять целевые установки молодежи, внутренние мотиваторы выбора конкретных жизненных стратегий. Рейтинг направлений самореализации открывают такие базовые для российского общества ценности, как профессия (48,3%), достаток (47,6%) и семья (44,7%). На наш взгляд, это своего рода «необходимый минимум» самореализации, направленный на удовлетворение первичных потребностей личности.

Анализ образовательных и социально-профессиональных притязаний дополняет представления о том, к чему стремится в жизни молодежь Мурманской области. Так, подавляющее большинство опрошенной молодежи претендует как минимум на вузовскую подготовку (85,1%), в том числе 57,1% устроит одно высшее образование и 24,8% ориентировано на два и более высших образования. Данные результаты свидетельствуют об универсализации ценности высшего образования, его превращении в социальную норму.

Высокие образовательные амбиции воплощаются в карьерных притязаниях. Подавляющее большинство опрошенных (57,4%) претендует на руководящую должность, из них половина ориентирована на позиции так называемых топ-менеджеров (руководитель предприятия, учреждения, а также более высоких звеньев управления). Чуть более трети (35,5%) молодых жителей Мурманской области остановили свой выбор на должности специалиста высокой квалификации, и лишь 7% от числа всех опрошенных — на должности рядового работника, специалиста средней квалификации.

Если говорить о возрастных различиях в карьерных притязаниях, то в группе респондентов 14—19 лет преобладают более высокие амбиции, нежели в группе зрелой молодежи (старше 25 лет). Среди исполнительских должностей они чаще ориентируются на высококвалифицированный труд: рядовыми работниками средней квалификации пожелали быть лишь 2,7% (9,3% среди молодежи старше 25 лет). Касательно руководящих должностей представители зрелой молодежи (25—30 лет) чаще ориентируются на более низкий уровень управления («руководитель небольшого коллектива») — 16,6% (против 9,6% среди младшей группы). И, напротив, младшая группа чаще претендует на высшие ступени руководства (15,1% против 7,3%). Респонденты в группе 20—24 лет имеют средний уровень притязаний, но чаще других предпочитают руководство предприятием, учреждением, что в целом сближает их с юными респондентами 14—19 лет. На наш взгляд, молодые люди старше 25 лет, как правило, уже имеют первичный трудовой опыт и гораздо лучше ориентируются в реальной жизни, нежели респонденты в младших возрастных группах, которые находятся в процессе обучения и профессионального самоопределения.

Следует отметить, что возможности, созданные в регионе для самореализации, низко оцениваются молодежью всех возрастных групп, так как не в полной мере позволяют осуществить жизненный выбор и достичь желаемого уровня притязаний. Самыми категоричными в оценках возможностей региона оказались возрастные группы 14—19 и 25—29 лет. В случае с младшей группой респондентов, с одной стороны, речь скорее идет о психологических особенностях возраста, связанных с максималистскими представлениями, с другой стороны, именно эта

группа на базовом, стартовом уровне видит собственную самореализацию вне региона (то есть в этой группе наиболее развиты эмиграционные настроения). В зоне безусловного риска находится и группа молодых людей 25—29 лет, которые вышли из-под «крыла» различных образовательных учреждений и столкнулись с реалиями рынка труда.

Полученный опыт поиска работы и трудовой деятельности обуславливает низкую удовлетворенность социально-экономическими условиями и возможностями профессиональной самореализации в регионе. Обозначенные обстоятельства в значительной мере указывают на высокие деятельностные риски, детерминированные средовыми факторами.

Заключение

Проведенные в Мурманской области и обобщенные по другим арктическим регионам социологические исследования свидетельствуют о достаточно высоких притязаниях молодежи в материальной, профессиональной и образовательной сферах. Обозначенные запросы молодежи вступают в противоречие с объективно существующими возможностями регионов, имеющих периферийный статус. Это приводит к усилению центростремительных тенденций в миграционном поведении молодых северян.

В связи с этим особого исследовательского и управленческого внимания заслуживает вопрос о брендировании территорий. На наш взгляд, данные социологических исследований по желаемым направлениям самореализации молодых северян дают четкое понимание запросов, с которыми возможно работать для содержательного выстраивания политики брендирования периферийных регионов.

Удержание молодежи — прежде всего в качестве основы социально-экономического потенциала региона, — и создание образовательных кластеров, способных удовлетворять потребности АЗРФ в трудовых ресурсах, должны актуализироваться как приоритетные направления государственной политики. На сегодняшний день большинство задач, направленных на удержание и привлечение человеческих ресурсов, на повышение качества и уровня жизни населения, прописанных как в государственной программе, так и в стратегиях социально-экономического развития регионов, продолжают носить декларативный характер. Существенные финансовые вложения в государственную программу «Социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» необходимо направить на решение ключевых проблем социального характера. А пока отрицательное миграционное сальдо, вымывание человеческого и интеллектуального потенциала продолжают обострять главные ресурсные риски макрорегиона.

Список литературы (References)

Арктика: Стратегия развития / под общ. ред. С. А. Липиной, О. О. Смирновой, Е. В. Кудряшовой. Архангельск : САФУ, 2019.

Lipina S. A., Smirnova O. O., Kudryashova E. V. (eds.) Arctic: Development Strategy. Arkhangelsk: NArFU, 2019. (In Russ.)

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Beck U. (2000) Risk Society: Towards a New Modernity. Moscow: Progress-Traditsiya.
(In Russ.)

Васильева О. В. Ценности и жизненные стратегии молодежи Арктики (по материалам республики Саха (Якутия) / Сб. науч. статей Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях. Якутск, 2018. С. 86—94. https://doi.org/10.25693/571.56.985.2018_003.

Vasileva O. V. (2018) Values and life strategies of Arctic youth (Based on the Republic of Sakha (Yakutia) / The Arctic and the North in current humanitarian research. The collection of research articles. Yakutsk: Publishing House of IHRISN SB RAS. https://doi.org/10.25693/571.56.985.2018_003. (In Russ.)

Васильева О. В., Маклашова Е. Г. Молодежь Арктики : Идентичности и жизненные стратегии / отв. ред. В. Б. Игнатьева. Якутск : Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2018.

Vasilyeva O. V., Maklashova E. G. (2018) Youth of Arctic: Identities and Life Strategies / ed. by V. B. Ignatyeva. Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North — Siberian Branch RAS. (In Russ.)

Вознесенская Е. Д. Молодежь и профессии // Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. С. 123—182.

Voznesenskaya E. D. (2015) Youth and Professions. In: New Meanings in Educational Strategies of Youth: 50 Years of Research. Moscow: Social Forecasting and Marketing Center. (In Russ.)

Волгин Н. А., Широкова Л. Н., Мосина Л. Л. Актуальные вопросы развития российского севера: Компенсационные и стимулирующие системы, направленные на привлечение и закрепление населения в северных и арктических регионах // Уровень жизни населения регионов России. 2018. Т. 14. № 2. С. 34—46. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10013>.

Volgin N. A., Shirokova L. N., Mosina L. L. (2018) Topical Questions of Developing the Russian North: Compensation and Incentive Systems Intended to Attract and Consolidate the Population in the Northern and Arctic Regions. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. Vol. 14. No. 2. P. 34—46. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10013>. (In Russ.)

Галимуллин Э. З. Миграционные установки и механизмы привлечения молодежи в Арктическую зону Российской Федерации // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 96—109. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.36.96>.

Galimullin E. Z. (2019) Migration Attitudes and Mechanisms for Attracting Young People to the Russian Arctic. *Arctic and North*. No. 36. P. 96—109. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.36.96>. (In Russ.)

Дрегалo А. А., Ульяновский В. И. Молодежь Поморья : Социологический анализ. Архангельск : Поморский университет, 2006.

Dregalo A. A., Ulyanovskiy V. I. (2006) Youth of Pomorie: A Sociological Analysis. Arkhangelsk: University of Pomorie. (In Russ.)

Жизненный путь поколения : Его выбор и утверждение / под ред. М. Х. Титмы. Таллин : Ээсти раамат, 1985.

Titma M. Kh. (ed.) Life Path of the Generation: Its Choice and Establishment. Tallinn: Eesti Raamat, 1985. (In Russ.)

Зайков К. С., Каторин И. В., Тамицкий А. М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. No. 3. С. 230—247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15>.

Zaikov K. S., Katorin I. V., Tamitskii A. M. (2018) Migration Attitudes of the Students Enrolled in Arctic-Focused Higher Education Programs. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecasts*. Vol. 11. No. 3. P. 230—247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15>. (In Russ.)

Зубок Ю. А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 147—162.

Zubok Yu. A. (2003) Risk in Social Development of Youth. *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 1. P. 147—162. (In Russ.)

Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М. : Мысль, 2007.

Zubok Yu. A. (2007) The Phenomenon of Risk in Sociology: Youth Study Experience. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределенности: Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М. : Academia, 2008a.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2008a) Social Regulation in Conditions of Uncertainty: Theoretical and Applied Problems in Youth Research. Moscow: Academia. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования. 2008b. № 7. С. 108—117.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2008b) Formation of the National School of Youth Sociology. *Sociological Studies*. No. 7. P. 108—117. (In Russ.)

Иконникова С. Н. Молодежь : Социологический и социально-психологический анализ. Л. : Издательство Ленинградского государственного университета, 1974. Ikonnikova S. N. (1974) Youth: The Sociological and Socio-Psychological Analysis. Leningrad: Leningrad State University Publishing House. (In Russ.)

Кондратович Д. Л. Социальное восприятие реалий и перспектив социально-экономического развития арктических регионов // Экономика и управление: проблемы и решения. 2016. № 10. С. 124—130.

Kondratovich D. L. (2016) The Social Perception of the Realities and Prospects of Social and Economic Development of the Arctic Regions. *Ekonomika i Upravlenie: Problemy, Resheniya*. No. 10. P. 124—130. (In Russ.)

Константинов А. С. Социальный состав населения и миграционные процессы на Архангельском Севере по материалам переписей // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 112—129. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.22.112>.

Konstantinov A. S. (2016) The Social Composition of the Population and Migration on Arkhangelsk North According to the Census Materials. *Arctic and North*. No. 22. P. 112—129. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.22.112>. (In Russ.)

Константиновский Д. Л. Формирование ориентаций молодежи в сфере образования // Вестник Института социологии. 2016. № 19. С. 13—27. <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.427>.

Konstantinovskiy D. (2016) The Formation of Young People's Orientations in The Sphere of Education. *Bulletin of the Institute of Sociology*. No. 19. P. 13—27. <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.427>. (In Russ.)

Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX—XXI веков: Образование, труд, социальное самочувствие. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014.

Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A. (2014) Russian Youth at the Turn of the XX—XXI Centuries: Education, Employment, Social Well-Being. Moscow: Social Forecasting and Marketing Center. (In Russ.)

Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998—2008 годы. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A., Khokhlushkina F. A. (2011) Education and Life Trajectories of Youth: 1998—2008. Moscow: Institute for Sociology Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Лисовский В. Т. Социология молодежи. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1996.

Lisovskiy V. T. (1996) Sociology of Youth. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing House. (In Russ.)

Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Социально-экономические приоритеты устойчивого развития Арктического макрорегиона России // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4. С. 985—1004. <http://doi.org/10.17059/2017-4-2>.

Leksin V. N., Porfiriev B. N. (2017) Socio-Economic Priorities for the Sustainable Development of Russian Arctic Macro-Region. *Economy of Region*. Vol. 13. No. 4. P. 985—1004. <http://doi.org/10.17059/2017-4-2>. (In Russ.)

Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Состояние и задачи государственного управления социально-экономическим развитием российской Арктики : Правовой аспект // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 2. С. 114—138.

Leksin V. N., Porfiriev B. N. (2018) Current State and Goals of Russian Arctic Legal Regulation of Socio-Economic Development. *Public Administration Issues*. No. 2. P. 114—138. (In Russ.)

Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск : САФУ, 2013. Lukin Yu. F. (2013) Russian Arctic in a Changing World. Arkhangelsk: NARFU. (In Russ.)

Маркин В. В., Силин А. Н. Человеческий и социальный потенциал неоиндустриального освоения Арктики : Социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены : Факторы, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 75—88. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.5>.

Markin V. V., Silin A. N. (2017) Human and Social Potential of Neo-Industrial Development of the Arctic: Sociological Analysis, Modeling, and Regulation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 10. No. 6. P. 75—88. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.5>. (In Russ.)

Наумова Н. Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения / отв. ред. В. Н. Садовский. М. : Наука, 1988.

Naumova N. F. (1988) Sociological and Psychological Aspects of Purposeful Behavior. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Недосека Е. В., Ануфриева Т. В. Особенности городской идентичности молодежи г. Мурманска // Социология города. 2015. № 3. С. 22—31.

Nedoseka E. V., Anufrieva T. V. (2015) Peculiarities of the Urban Identity of the Youth in Murmansk. *Sociology of City*. No. 3. P. 22—31. (In Russ.)

О состоянии и проблемах законодательного обеспечения реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. О состоянии и проблемах законодательного обеспечения научной деятельности Российской Федерации в Антарктике. Ежегодный доклад (2018 год). М. : Совет Федерации Федерального Собрания РФ, 2019. URL: <http://council.gov.ru/media/files/VAzBy5r749GuZRCQD6zKQ6N0UzKAICAg.pdf> (дата обращения: 22.06.2020).

On the State and Problems of Legislative Support for the Implementation of the Strategy for Development of Arctic Zone of the Russian Federation and National Security until 2020. On the State and Problems of Legislative Support for the Scientific Activities of the Russian Federation in the Antarctic. Annual Report (2018). Moscow: Federation Council of the Federal Assembly of Russia, 2019. URL: <http://council.gov.ru/media/files/VAzBy5r749GuZRCQD6zKQ6N0UzKAICAg.pdf> (accessed: 22.06.2020). (In Russ.)

Осипова О. В., Маклашова Е. Г. Миграционные намерения молодежи Арктики в контексте субъективных оценок социального самочувствия // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 14—24.

Osipova O. V., Maklashova E. G. (2016) Migration Intentions of the Arctic Youth in the Context of Subjective Evaluations of the Social Wellbeing. *Arctic and North*. No. 24. P. 14—24. (In Russ.)

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006 : стат. сб. М. : Федеральная служба государственной статистики, 2007.

Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2006: Statistical Digest. (2007) Moscow: Russian Federal State Statistics Service. (In Russ.)

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 : стат. сб. М. : Федеральная служба государственной статистики, 2019.

Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2019: Statistical Digest. (2019) Moscow: Russian Federal State Statistics Service. (In Russ.)

Руткевич М. Н., Рубина Л. Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М. : Политиздат, 1988.

Rutkevich M. N., Rubina L. Ya. (1998) Public Needs, Education System, Youth. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Чередниченко Г. А. Молодежь России: Социальные ориентации и жизненные пути. Опыт социологического исследования. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2004.

Cherednichenko G. A. (2004) Russian Youth: Social Orientations and Life Paths. A Case Study. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russ.)

Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории выпускников средних школ // Социология образования. 2009. № 1. С. 28—45.

Cherednichenko G. A. (2009) Educational and Professional Paths of School Graduates. *Sociology of Education*. No. 1. P. 28—45. (In Russ.)

Шарова Е. Н. Роль арктического дискурса в формировании в идентичности жителей Северного региона // Регион: экономика и социология. 2016. № 4. С. 139—152. <https://doi.org/10.15372/REG20160406>.

Sharova E. N. (2016) The Role of Arctic Discourse in the Construction of a Northern Regional Identity. *Region: Economics & Sociology*. No. 4. P. 139—152. <https://doi.org/10.15372/REG20160406>. (In Russ.)

Шарова Е. Н., Недосека Е. В. Жизненные стратегии молодежи Мурманской области : Социологический анализ основных измерений // Вестник МГТУ. 2014. Т. 17. № 4. С. 802—811.

Sharova E. N., Nedoseka E. V. (2014) Life Strategies of the Murmansk Region Youth: Sociological Analysis of the Basic Measurement. *Vestnik of MSTU*. 2014. Vol. 17. № 4. P. 802—811. (In Russ.)

Шеломенцев А. Г., Воронина Л. В., Смиреникова Е. В., Уханова А. В. Факторы миграции в Арктической зоне Российской Федерации // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2018. Т. 10. № 3. С. 396—418. <http://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-3-396-418>.

Shelomentsev A. G., Voronina L. V., Smirennikova E. V., Uhanova A. V. (2018) Migration Factors in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Ars Administrandi*. Vol. 10. No. 3. P. 396—418. <http://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-3-396-418>. (In Russ.)

Шубкин В. Н. Трудящаяся молодежь: Образование, профессия, мобильность. М. : Наука, 1984.

Shubkin V. N. (1984) *Working Youth: Education, Profession, Mobility*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Шурыгина И. И. Жизненные стратегии подростков // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 52—62.

Shurygina I. I. (1999) Life Strategies of Teenagers. *Sociological Studies*. No. 5. P. 52—62. (In Russ.)

Cherednichenko G. A. (2019) Educational Tracks of Russian Youth in System of Education (On State Statistics 2000—2017). *Advances in Social Sciences Research Journal*. Vol. 6. No. 3. P. 366—382. <https://doi.org/10.14738/assrj.63.6379>.